

**НОМЕНКЛАТУРА ТАМАНСКОГО ИМПОРТА:
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
ПОТРЕБЛЕНИЯ ЧЕРКЕСИИ
(СЕРЕДИНА XVIII в.)**

Дзуганов Тимур Аликович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dzughanov@mail.ru

В статье исследуются особенности и характер черноморского направления торговли Черкесии в середине XVIII в. Предпринимается попытка анализа номенклатуры импорта и ее влияния на изменение культуры потребления черкесского общества в этот период. Устанавливается, что к середине XVIII в., в Черкесии сформировалась устойчивая категория потребителей предметов роскоши, ориентированных на турецкие товары и, соответственно, турецкий рынок. Ассортимент и цены на импортируемую мануфактурную продукцию, позволяет предположить, что основным потребителем данных товаров являлась аристократическая элита страны. Отмечается, что что в отчеты Пейсонеля не попали данные по наиболее значительной после Тамани торговле на Черноморском побережье – от нынешней Анапы до Сочи. Предполагается, что совокупные объемы товарооборота Черкесии через черноморские порты Тамани, Атчу, Агаджи, Суджука, Каплу и др., как минимум, превышали 2 миллиона рублей серебром. Делается вывод, что к середине XVIII столетия транзитная торговля через таманский порт была востребована, в большей степени, социальной верхушкой черкесского общества. К этому времени, внутри этой социальной категории сформировался устойчивый спрос на предметы роскоши, обеспечение которого и стало основной специализацией таманского импорта. Объемы и спецификация ввозимых товаров позволяют примерно установить численный состав данной категории потребителей, которая приблизительно равнялась 8–10 тыс. покупателей.

Ключевые слова: Пейсонель, Черкесия, Турция, Россия, Тамань, номенклатура, торговля, импорт, рынок, роскошь, аристократические элиты, культура потребления.

Карл Пейсонель (1727–1790 гг.) – видный французский ученый, дипломат известен своими работами, посвященными торговле на Леванте и Черном море. В общей сложности, провел на Востоке двадцать лет, из них четыре года в Крыму. Все это время Пейсонель тщательно собирает из всех возможных источников сведения о черноморской торговле. Накопленный им материал послужил в дальнейшем основой для нескольких работ, снискавших ему славу в научных кругах. Совмещая дипломатическую службу с защитой торговых интересов страны, Пейсонель заложил основы экономической политики Франции в Причерноморье.

Материалы исследований состояния коммерческих отношений в Причерноморском регионе убедили молодого консула в целесообразности расширения французского участия на этом динамично развивающемся рынке. В своих отчетах и письмах Двору он настойчиво продвигал идею необходимости освоения черноморского рынка. Подчеркивая эту мысль, К. Пейсонель настаивал: «Дружба с Портой может предоставить нашей торговле большие масштабы, гарантируя нам свободную навигацию в Черном море.

Это даст возможность Франции открыть свои колонии, свою промышленность, свое производство соли»¹. Его усилия в значительной мере способствовали присоединению Турции к Амьенскому договору в 1802 г., тем самым, открыв французскому торговому флоту доступ в Черное море.

Особенный интерес для ученых – кавказоведов представляет его «Трактат о торговле на Черном море» опубликованный в 1878 г. В нем «подводился итог многолетнему изучению торговых отношений в Черноморском бассейне»². Данные, содержащиеся в этой работе, до сих пор являются важнейшим источником информации для всех исследователей, занимающихся историей Черкесии второй половины XVIII в. Эти сведения представляют исключительную ценность, так как ни один другой источник XVIII в. не дает подобного материала и заслуживают безусловного доверия; они основаны как на его личных многолетних наблюдениях, так и (что особенно важно) на данных о торговых пошлинах, взимаемых в портах Крыма и Северо-Западного Кавказа, находившихся под суверенитетом крымского хана³.

Приводимые Пейсонелем сведения отображают состояние черкесской торговли, сложившееся к началу второй половины XVIII столетия. На сегодняшний день, это наиболее подробное описание черноморской торговли черкесов данного периода, известное науке.

Ежегодный торговый оборот таманского порта, в первом приближении, выглядит весьма значительным. По подсчетам И.Н. Клингена, опирающихся на данные Пейсонеля, общий объем внешней торговли Черкесии, только через Тамань, в указанный период достигал примерно 1600 тыс. рублей серебром по ценам того времени⁴. Достоверность этой цифры вряд ли может быть подвергнута сомнению, так как в своих сообщениях о внешней торговле Черкесии Пейсонель использовал, хотя и не вполне совершенный, но все-таки относительно систематический учет, который велся таможенными чиновниками крымского хана в Тамани.

Анализируя эти сведения об объемах торговли, не следует также забывать, что таманский порт являлся транзитным для большинства народов, населявших Восточный Кавказ в этот период, и товары, поступавшие через указанный пункт, направлялись не только к черкесам, но и их ближайшим соседям, поэтому размеры собственно черкесской торговли в общем удельном весе коммерческих операций, должны быть несколько ниже рассчитанной Клингеном цифры.

Вместе с тем, необходимо помнить, что в отчеты Пейсонеля не попали данные по наиболее значительной после Тамани торговле на Черноморском побережье – от нынешней Анапы до Сочи. По всему этому побережью у устья рек и в небольших бухточках находились многочисленные стоянки для мелких торговых судов, служившие в то же время и пунктами обмена черкесской продукции на привозные товары. Точное исчисление размеров торговли этих мелких каботажников затруднено в связи с полным отсутствием документов о ней, тем не менее, можно предположить, что совокупные объемы товарооборота Черкесии через черноморские порты Тамани, Атчу, Агаджи, Суджука, Каплу и др., как минимум, превышали 2 миллиона рублей серебром.

Свои результаты исследований черкесского рынка, К. Пейсонель представил в виде таблицы – росписи товаров с соответствующими комментариями. Вся таблица содержит около 80 наименований товаров, ежегодно ввозимых в Черкесию и 25 экспортируемых. Особенный интерес для исследователя представляет перечень импортных товаров, так как эти материалы позволяют реконструировать некоторые материальные потребности черкесского общества середины XVIII в.

Для облегчения обработки данных, весь импорт, исходя из его стоимости и фактического назначения, условно можно разделить на три категории: предметы роскоши, ориентированные на удовлетворение потребностей знати; полуфабрикаты и сырье для ремесленников; товары для народного хозяйства, причем удельный вес последней ничтожно мал.

Открывает список импортируемой в Черкесию продукции мануфактура. Всего в нем присутствует 18 наименований, как в виде заготовок, так и готовой продукции. Это, преимущественно, ткани – ситец, тафта, шелк. Подробно указан перечень изделий – одеяла, простыни, передники, пояса и проч. Однако сразу обращает на себя внимание скромный ассортимент и относительно небольшие объемы этих поставок. Так, материи из Бруссы ввозилось всего 200 штук, а шелка из Магнезии – около 7 тыс. кусков, одеял – до 500 штук в год. Купальных простынь – до 600 штук, матерчатых поясов из Гербо – 400. Также ограниченными, в масштабах всей Черкесии, выглядят поставки дюльбента или кисеи для женских покрывал, всего заявлено 1000 кусков в год⁵. В связи с этим, обращает на себя внимание как ограниченное количество этих мануфактурных изделий, что, впрочем, можно объяснить их дороговизной, так и устойчивый спрос на них – эти товары импортируются ежегодно. Следовательно, к моменту составления отчета французского консула – середина XVIII в., в Черкесии сформировалась устойчивая категория потребителей предметов роскоши, ориентированных на турецкие товары и, соответственно, турецкий рынок. Ассортимент и цены на импортируемую мануфактурную продукцию, ясно указывают на конечного адресата – аристократическую элиту страны. То же самое можно сказать и о большинстве других товаров, импортируемых через черноморские порты Черкесии в 50-х гг. XVIII столетия. Их конечным потребителем могла выступать только состоятельная верхушка аристократии. Учитывая ассортимент товаров и их стоимость, можно с уверенностью предположить, что именно на удовлетворение потребности в роскоши этой социальной страты и была ориентирована импортная торговля Тамани. Трудно себе представить, что такой специфический и дорогой товар как, например, 3–4 тыс. фесок из Франции и Туниса, ежегодно ввозимых в Черкесию по данным Пейсонеля, пользовался спросом у мелких дворян и крестьян, тем более, был бы им по карману. По крайней мере, нами не выявлено ни одного документа, свидетельствующего в пользу этого. Но учитывая зафиксированную французским торговым консулом регулярность поставок, нет сомнения, что эти 3–4 тыс. фески находили своего покупателя. Следовательно, в Черкесии и на территории ее ближайших соседей имелось не менее 3–4 тыс. состоятельных аристократов, готовых ежегодно потреблять такое количество этого импорта. Сюда же, по-видимому, необходимо присовокупить кубанских ногайцев, встроенных в черкесскую торговлю. Сам Пейсонель комментируя этот момент писал: «Импортная и экспортная торговля ногайцев включена в подробности, которые я дал относительно торговли Черкесии, частью которой она и является»⁶. Соответственно, импорт рассчитывался на правящую верхушку Черкесии и Ногайской орды.

Полученные результаты подтверждаются анализом других пунктов из перечня импорта.

Помимо указанного, если верить таблице, в Черкесию ежегодно ввозилось: от 4 до 5 тыс. пар крымских сапог; 5 тыс. пар катир (обувь); от 2 до 3 тыс. седельных ленчиков из Бахчисарая и Каффы; от 2 до 3 тыс. тебенков (часть упряжи, покрывающая бока лошади); 3 тыс. пар стремян; от 3 до 4 тыс. лошадиных удили т.д.⁷ Туда же следует отнести импорт ружейных стволов, порох, крымские луки, и прочий дорогостоящий товар, который явно был рассчитан на более состоятельных клиентов.

Как уже отмечалось выше, простой подсчет дорогостоящих товаров, позволяет определить число состоятельных клиентов, готовых ежегодно потреблять эту продукцию. Анализ ее объемов и себестоимости убеждают нас, что их число достигало никак не менее 3–4 тыс. мужчин и, как минимум, такого же количества женщин, основного опосредованного покупателя большинства этих товаров.

Изучение ассортимента импортной продукции позволяют сделать вывод, что значительная часть таманского транзита формировалась в расчете на состоятельных покупательниц из числа высшей черкесской знати. Большая часть ввозимой

мануфактуры предназначалась для удовлетворения потребностей в товарах и предметах роскоши самых взыскательных модниц. Подтверждением тому служат зафиксированные ежегодные поставки в Черкесию: 200–300 пшемтал – киркалем (передников) из Солоник; 1000–1500 передников из Каира⁸; до 15000 самшитовых и роговых гребней; от 2000 до 3000 весьма дорогостоящих пакетов ниток для шитья различных цветов⁹ и проч. При чем, сегмент торговли, рассчитанный на женщин, вовсе не ограничивался вышеперечисленным списком.

Отдельной статьёй проходит импорт косметики, который судя по объемам, был востребован не только знатными аристократками. Пейсонель сообщает, что в Черкесию ежегодно ввозилось от 200 до 300 ок румян и белил, называемых киршен¹⁰. Это составляет, примерно, от 250 до 350 кг. и было рассчитано, приблизительно, на 20–30 тысяч покупательниц. Ссылаясь на информаторов, торговый консул утверждает, что все местные женщины, черкесские, абазские и кубанских ногайцев употребляют их (румяна и белила) в большом количестве¹¹. Этот комментарий вызывает определенные сомнения. Черкешенки, абазинки и ногайки, о которых идет речь, в XVIII в. еще не имели такой устойчивой традиции. Косметика использовалась ими в случаях крупных народных или семейных праздников. Упоминания об использовании черкешенками косметики в этот период встречаются крайне редко.

Вместе с тем, некоторые данные этнографии подтверждают это сообщение французского консула. Специалистами-этнографами зафиксирована довольно интересная традиция, имеющая отношение к черкесским народным игрищам, продолжавшая встречаться у бжедугов вплоть до начала XX в. Речь идет о выборе «королевы красоты» на народных празднествах. По словам Бгажнокова, длительное время занимавшегося этой проблемой: «Не случайно, что бы зрителей не ввел в заблуждение макияж (пудра, румяна, подведенные сурьмой брови), девушек заставляли умыться. Судя по сообщениям информаторов, в начале XX в. у бжедугов это был едва ли не обязательный компонент рассматриваемой церемонии»¹². Описание этого обряда относится к 1914 г. и подтверждает вероятность использования черкешенками косметики, в дни больших народных празднеств и в более ранний период. К тому же, не позже XVIII столетия среди черкесов распространяются присказки и поговорки, посвященные косметике и ее чрезмерному употреблению «Краснощекая (румяная, нарумяненная) словно анатолийская лисица (имея в виду турецких модниц)», «глаза сверкают, словно анатолийская сурьма» и др.

И хотя в этих присказках речь идет собственно о турецкой косметике, ввоз которой подтверждает французский консул, мы располагаем также косвенными данными о поставках французской косметической продукции в Черкесию, но тремя десятилетиями позже того времени, когда Пейсонель находился в Крыму. Так парижская *Gazette De Franse* в октябре 1887 г. сообщила на своих страницах о принятии Декрета Двора от 20 сентября 1887 г. о запрете на производство и экспорта в Черкесию грима (румян, губной помады). Они были признаны вредными для здоровья¹³. Этот документ, по сути, свидетельствует об устойчивых поставках косметики из Франции в Черкесию в промышленных объемах. Участие Двора в столь щекотливом вопросе должно говорить о степени важности для французских парфюмеров-коммерсантов этого направления торговли.

К предметам роскоши, исходя из стоимости и отсутствию прямой практической значимости, могут быть отнесены также: сандаловое дерево, ладан, кофе, маслины и проч¹⁴. Все вышеперечисленное могло быть востребовано лишь в самых богатых домах и служить, помимо прочего, маркером социального статуса. И если табак, ввозимый в Черкесию в это период еще можно признать товаром, пользующимся спросом представителями разных социальных слоев, то дорогой крымский сафьян, мыло из Смирны, а также дорогие сорта бумаги не оставляют сомнений в социальном и имущественном статусе своего конечного потребителя.

Объемы поставок вышеупомянутых и других, не менее экзотических для Черкесии середины XVIII столетия товаров, подпадающих под определение «роскошь», подтверждают наше первоначальное предположение о наличии в стране, по меньшей мере, в 3–4 тыс. наиболее платежеспособных клиентах из числа высшей аристократии. Приобретение этих предметов должно было служить для окружающих, как уже отмечалось, показателем высокого социального статуса покупателя, своеобразным проявлением «демонстративного расточительства», в одежде, и, особенно, в повседневной жизни. В связи с этим, весьма любопытен обзор пищевой продукции, поступавшей ежегодно через таманский порт. Открывает этот список кофе мокко, которого ежегодно ввозилось от 30 до 40 тюков. Пейсонель делает примечание, что кофе из Франции «тоже имеет успех», намекая, по-видимому, на необходимость расширения поставок этого продукта¹⁵. Далее упоминаются от 450 – до 550 кг. перца, от 250 – до 350 кг. «имбиря, из которого местные жители изготавливают крепкий напиток с медом» и другие пряности¹⁶. К услугам местной аристократии турки ежегодно поставляют от 11 до 16,5 т. «сушеных винных ягод различного качества» и такое же количество черного винограда, около 4 т. черных маслин, до 33 т. нарденка – сиропа из гранатов. Незначительность объемов поставок свидетельствует об отсутствии широкого спроса на эти товары. Вместе с тем, их периодичность подтверждает наше предположение о наличии в Черкесии этого периода устойчивой социальной категории, готовой тратить немалые средства на их приобретение.

Ассортимент, объемы, и самое главное, дороговизна этой части таманского импорта, также не оставляют сомнений в том, на кого он в конечном итоге был рассчитан.

Существенная разница ввозимого сырья и готовой продукции (12 наименований – сырье и полуфабрикаты, 6 – готовая продукция) объясняется тем, что вышеупомянутая черкесская аристократия в этот период хоть и предпочитала одеваться в одежду из импортных, более высококачественных материалов, но все же изготовленную местными ремесленниками в соответствии с собственными (черкесскими) национальными канонами моды и практичности. Задача по окончательной доработке ввозимых полуфабрикатов и изготовлению конечной продукции ложилась, в основном, на плечи местных мастериц. Общеизвестно, что существовавшее в Черкесии разделение труда в домашнем производстве, отводило женщинам исключительную роль в изготовлении не только одежды и разнообразной утвари, но и большинства предметов первой необходимости¹⁷. Академик Паллас, посетивший Черкесию в конце XVIII в., комментируя мастерство местных женщин в изготовлении тончайшего сукна и одежды из него, отмечал, что их еще с детства приучают вязать, плести позументы, шить платья¹⁸.

По свидетельству Дюбуа де Монпере, посетившего Кавказ несколько позднее российского академика, женщины в каждой черкесской семье были заняты изготовлением большинства предметов первой необходимости¹⁹.

Мастерство черкесских мастериц поражало современников и производило впечатление даже на искушенных европейцев. Примером тому наглядно служит любопытный эпизод, описанный автором трактата. В Крыму, при встрече с сыном главного казначея, Пейсонель увидел на нем «белую одежду» изготовленную черкесского чекменя, «до такой степени прекрасной, что я принял ее за французское сукно, и мне стоило большого труда отказаться от своего заблуждения» – отмечает француз²⁰.

При детальном изучении списка ввозимого сырья и полуфабрикатов становится ясно, что большая его часть попадала в руки черкесских мастериц, так как именно они в условиях натурального хозяйства, обеспечивали потребности членов своей семьи в одежде, предметах первой необходимости и проч. и тем самым, влияли на ассортимент и объемы этого вида импорта в Черкесию.

Вместе с тем, в процессе изучения представленной номенклатуры видно, что определенная часть сырьевых поставок была ориентирована на нужды местной кустарной промышленности. Как правило, это сырье, потребляемое на месте в Тамани. Двенадцать лавок – красилен, имевшиеся по сообщению Пейсонеля в это время в городе, являлись основным заказчиком импортируемых в Черкесию красильных веществ, общим весом более 600 кг. Так же, на нужды ремесленного производства, в Черкесию в середине XVIII столетия ежегодно ввозилось, в пересчете на современную весовую систему, около 125 кг. ртути, столько же свинца, 250 кг. стали, полторы тонны железа²¹.

Обращает на себя внимание сравнительно небольшой удельный вес этой части импорта. По – видимому, малые объемы этих поставок объясняются тем, что они были призваны обеспечить потребности в сырье ремесленников самой Тамани и близлежащих окрестностей. И было бы ошибочным, на наш взгляд, на основании этих данных строить предположение об уровне развитии ремесла и ремесленного производства в масштабах всей Черкесии. Как отмечалось выше, Пейсонель не располагал данными об объемах торговли мелких турецких каботажников, по всему черкесскому побережью, потому эти цифры и не попали в его отчет. Кроме того, нельзя забывать о бурно развивающихся торговых отношениях кавказских народов с Российской империей в этот период. Потребности других провинций Чересии в сырье и в товарах первой необходимости обеспечивались в большей степени именно благодаря этим связям.

Как известно, уже к первой половине XVIII в. важнейшими центрами торговли России на Кавказе становятся Кизляр и Моздок. Торговцы из этих городов регулярно выезжали для торга в поселения Черкесии и Кабарды. Особенно их привлекали аулы Большой и Малой Кабарды, становившиеся на время местом встречи купцов из разных регионов, нередко из Турции и Персии. Так, в 1744 г. из Кизляра в Кабарду выехало «разных людей с торгом более 100 человек». В 1781 г. купец из Моздока в своем донесении моздокскому коменданту указывал, что в предыдущем году его брат, в торговых целях ездивший Кабарду, вез с собой товаров на 700 рублей. Другой, более удачливый моздокский купец в этот же период «.имел торг в Малой Кабарде... на две тысячи пятьдесят рублей на восемьдесят копеек»²².

Важную роль в торговле России с черкесами, кабардинцами и другими горскими народами играл Георгиевский редут, где «раз в неделю отправляли большие торги, называемые базарами. На них съезжались черкесы, ногайцы, татары... Они покупали у приезжающих из России купцов и армян медную и железную посуду и другие товары первых потребностей, так же пшеницу и разный хлеб от тамошних переселенцев. Продавали же масло, просо, лошадей, рогатый скот и овец»²³.

Иначе говоря, для Черкесии в XVIII в. развитие торговых отношений с северным соседом становится приоритетным направлением. Происходит процесс вытеснения Россией турецкого капитала с черкесского рынка. Это становится все более очевидным по мере продвижения империи на Кавказ. Купечество Оттоманской Порты изначально допустило ошибку, сознательно удовлетворившись узким сегментом рынка. Сделав ставку, прежде всего, на состоятельных клиентов, они значительно теряли в масштабах сбыта. Вся торговля, по сути, сводилась к удовлетворению потребности в товарах роскоши небольшой социальной прослойки. Как показали дальнейшие события, турки тем самым, допустили серьезный просчет и создали все необходимые условия для расширения Русско – Черкесских экономических связей.

К середине XVIII в., набирающая обороты Российская мануфактурная промышленность была готова поставлять на рынки Черкесии широчайший ассортимент своих товаров по доступным ценам. Пейсонель, оказавшийся в самом центре разворачивающихся событий, отмечает: «Черкесы еще не покорены русскими и сохраняют до сих пор признак свободы, но так как Тамань, Темрюк, Атчу и Каплу

являющиеся рынками, куда они имели обыкновение привозить свои товары и покупать себе все необходимое, находятся в конце концов в руках русских, то ясно, что вся торговля Черкесии окажется в конце концов в руках русских ...»²⁴.

В отличие от своих основных конкурентов, вынужденных доставлять товары морем, а потому закладывая расходы на транспортировку и риски в их стоимость, русские купцы имели возможность осуществлять торговые операции сушей, что естественно, делало их предприятие более выгодным. Турецкие коммерсанты и в дальнейшем продолжали ориентироваться в своих предприятиях на состоятельную клиентуру, значительно уступая русским в мобильности, неумолимо теряя при этом позиции на местном рынке.

В приводимом Пейсонелем перечне присутствует только один товар, который без всяких натяжек мог быть востребован исключительно в сельском хозяйстве – это германские косы, которых ежегодно ввозилось до 35 тыс.²⁵ В предыдущем разделе своего трактата, посвященном торговле Крымского ханства, Пейсонель, относительно реимпорта немецких кос, четко разделяет поставки этой продукции к ногайцам и черкесам. Из сообщения автора вытекает, что ногайцы их покупают в большом количестве непосредственно в Крыму. Черкесы же, по его словам, получают «значительное количество этих изделий» на прямую через Тамань²⁶. Не приходится сомневаться, что эти 35 тыс. предназначались непосредственно черкесским хозяйствам.

Как известно, черкесское крестьянское хозяйство, вплоть до реформ 60-х гг. XIX в. продолжало оставаться натуральным, следовательно, в описываемый период черкесы все необходимое, в том числе и орудия труда, производили самостоятельно. Опять же, в силу дороговизны, далеко не каждый черкесский крестьянин мог позволить себе приобрести данный товар. Значительно дешевле, а потому и рациональнее, было приобрести этот сельхозинвентарь у сельского кузнеца. Естественно, что качество местной поделки было заведомо ниже импортного немецкого, как и срок эксплуатации. Импортные косы могли использоваться в хозяйстве значительно дольше, значит число зажиточных крестьянских хозяйств Черкесии, куда ежегодно ввозилось до 35 тыс. этих изделий немецких металлургов, даже учитывая возможный реимпорт соседям, по нашему мнению, приблизительно равнялось 100 тыс. Вместе с тем, эти расчеты числа зажиточных крестьянских хозяйств Черкесии в этот период получены эмпирическим путем, и являются в определенной степени условными, а потому вполне могут быть уточнены и исправлены по мере выявления новых источников.

Подводя общие итоги можно констатировать, что к середине XVIII столетия транзитная торговля через таманский порт была востребована, в большей степени, социальной верхушкой черкесского общества. К этому времени, внутри этой социальной категории сформировался устойчивый спрос на предметы роскоши, обеспечение которого и стало основной специализацией таманского импорта. Объемы и спецификация ввозимых товаров позволяют примерно установить численный состав данной категории потребителей. По нашему мнению, импортная продукция была рассчитана на 8–10 тыс. покупателей обоего пола из числа местной знати.

Зафиксированный Пейсонелем факт устойчивой транзитной торговли через Тамань сырьем и полуфабрикатами свидетельствует о продолжающемся развитии ремесла и кустарного производства у черкесов в данный период. На основе анализа данных французского торгового консула, можно выделить наиболее успешные их направления: ткацкое, войлочное, оружейное, арчачное, шорное и ювелирное производства. Но подобное положение вещей ни коим образом не отразилось на состоянии и темпах развития таманского направления торговли. В большей степени, виновником сложившейся ситуации, является Османская Порта, которая, не смотря на свое доминирование в регионе, практически самоустранилась

от участия в развитии торговли и экономики края. Османское законодательство и администрация действовали лишь на территориях, подконтрольных военным гарнизонам. Их влияние было ограничено во времени и пространстве. Черкесия, в этой ситуации, выступает заложником в противостоянии двух извечных антагонистов – Турции и России.

В целом, торговые отношения с Черкесией представляли определенный интерес лишь для узкого круга купечества Порты, специализирующегося на закупках и перепродаже сырья. Вывоз сельскохозяйственной продукции, для нужд собственных производителей или дальнейшей перепродажи европейским мануфактурам, в силу значительного удаленности от основных черноморских портов, являлся малорентабельным. И хотя некоторая часть сельскохозяйственной продукции, животноводства и охоты, которые под брендом «черкесских товаров» при посредничестве Турции, поступала на мировые рынки, ее объемы, в силу трудностей транспортировки, не могли быть значительными. Более удобным для торговли сырьем и излишками сельскохозяйственного производства, являлось другое направление, а именно торговля с русским приграничьем.

Не обладая необходимыми ресурсами и временем для интеграции Черкесии в общеимперскую экономику, Диван ограничил свои действия сбором пошлин и контролем над торговлей по кавказскому побережью Черного моря. Порта практически не развивает кавказское направление торговли, не являющееся для нее ни прибыльным, ни перспективным. Кавказские рынки были отданы на откуп мелким торговцам и редким представителям европейской коммерции. Пейсонель, описывающий торговлю с черкесами, раскрывает картину остановившегося в своем развитии рынка. Черноморское направление оказалось заперто в коллапсе политических противоречий между Турцией и Россией.

Примечания

1. *Пейсонель К.* Политическое положение Франции и ее нынешние отношения со всеми европейскими державами. Париж, 1789. Т. 2. С. 11.
2. *Пейсонель К.* Трактат о торговле на Черном море / Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / под. ред. В.К. Гарданова, Нальчик, 1974. С. 179–203.
3. Там же.
4. *Клинген И.* Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897. С. 62.
5. *Пейсонель К.* Трактат... С. 192.
6. Там же. С. 198.
7. Там же. С. 195.
8. Там же. С. 192.
9. Там же.
10. Там же С. 194.
11. Там же. С. 195.
12. *Бгажноков Б.Х.* Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 226.
13. *Gazette De Franse.* Paris, 1887. P. 4.
14. *Пейсонель.* Трактат... С. 194.
15. Там же. С. 193.
16. Там же. С. 193.
17. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 178.
18. *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / под. ред. В.К. Гарданова, Нальчик, 1974. С. 222–223.
19. *F. Dubois de Montpereux, Voyages du Caucase, chez les Abkhases, en Colchide, en Geordie, en Armenie et en Crimée.* Paris, 1883. P. 143.
20. *Пейсонель.* Трактат... С. 195.

21. Там же. С. 192.
22. *Смирнов А.* Изучение исторических сведений о Российской промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 г. СПб., 1859. Ч. I. С. 101.
23. *Тучков С.А.* Записки Сергея Алексеевича Тучкова (1766–1808). СПб., 1908. С. 166.
24. *Пейсонель.* Трактат... С. 199.
25. Там же. С. 198.
26. Там же. С. 184.

**NOMENCLATURE OF TAMAN IMPORTS:
EXPERIENCE OF STUDYING THE HISTORY OF THE CULTURE
OF CONSUMPTION OF CHERKESSIA
(THE MIDDLE OF THE XVIII CENTURY)**

Dzuganov Timur Alikovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Medieval and Modern History Department of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), dzuganov@mail.ru

The article explores the features and nature of the Black Sea trade in Circassia in the middle of the 18th century. An attempt is made to analyze the nomenclature of imports and its impact on the changing culture of consumption of Circassian society in this period. It is established that by the middle of the XVIII century, in Cherkessia, a stable category of consumers of luxury goods, oriented to Turkish goods and, accordingly, the Turkish market, was formed. The assortment and prices for imported manufactory products, suggests that the main consumer of these goods was the aristocratic elite of the country. It is noted that Paysonel's reports did not include data on the most significant after Taman trade on the Black Sea coast – from the present Anapa to Sochi. It is assumed that the aggregate volumes of the circulation of Circassia through the Black Sea ports of Taman, Atchu, Agadzhi, Sujuka, Kaplu, etc., at least, exceeded 2 million rubles in silver. It is concluded that by the middle of the XVIII century, transit trade through the Taman port was in demand, to a greater extent, the social elite of Circassian society. By this time, within this social category, there has been a steady demand for luxury goods, the provision of which has become the main specialization of Taman imports. Volumes and specifications of imported goods allow approximately to establish the numerical composition of this category of consumers, approximately equal to 8 – 10 thousand buyers.

Keywords: Paysonel, Circassia, Turkey, Russia, Taman, nomenclature, trade, import, market, luxury, aristocratic elites, consumption culture.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-23-31